

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-4-120-133

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

Котти Саймон

Джихадистское решение
Сэйджман о структуре
Стиль Сейджмана
Выводы: исследование терроризма и
криминология

Поступила в редакцию: 11.05.2018.
Передана на рецензию: 13.05.2018.
Получена рецензия: 23.06.2018.
Принята в номер: 30.06.2018.

Джихадизм как субкультурный ответ на социальное давление: развитие тезиса «банды парней» Марка Сейджмана¹

(Саймон Котти – преподаватель криминалистики и уголовного права в Бангорском университете. Школа социальных наук, Бангорский университет (Бангор), Гуинет, Великобритания)

Автор чрезвычайно благодарен рецензентам за их подробные и полезные замечания по более ранним проектам данной статьи, за существенную поддержку и консультацию особенно признателен Брюсу Хоффману и Кейт Хайвард.

Цель данной статьи – развитие плодотворных исследований «Аль-Каиды» (признанная в России запрещённой террористическая организация. – *Прим. ред.*) Марком Сейджманом, переосмысленных через призму теории делинквентной субкультуры Альберта Коэна, – метода, который занял видное место в криминалистике в 1960-е годы, но с тех пор в значительной степени был заменен другими подходами в этой области. Опираясь на выводы и замечания Сейджмана, предположили, что аффилированные или инспирированные «Аль-Каидой» группы на Западе лучше всего могут быть поняты как коллективный ответ на то давление, с которым сталкиваются члены этих групп, и что это давление накладывается на те обстоятельства, в которых они [группы] оказываются. Более обширная цель – показать, что, хоть криминологи, за некоторыми исключениями, игнорируют тему терроризма, исследования по этой проблеме могут существенно выиграть от взаимодействия с криминологией в качестве источника теоретического вдохновения.

Ключевые слова: «Аль-Каида», криминология, джихадистский субкультурный стиль, джихадистское решение, Марк Сейджман, социальное давление, субкультура, исследования по борьбе с терроризмом.

DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-4-120-133

UDC 297.1

Content of the article

Information about the article

Cottee Simon

A jihadist solution.
Sage man on structure.
Sage man Style.
Conclusions: the study of terrorism
and criminology.

Received: 11.05.2018.
Submitted for review: 13.05.2018.
Review received 23.06.2018.
Accepted for publication: 30.06.2018.

Jihadism as a Subcultural Response to Social Strain:

¹ Продолжение. Начало см.: Исламоведение. 2018. Т. 9, № 3. – С. 111–123.

Extending Marc Sageman's «Bunch of Guys» Thesis²

My goal in this article is to develop the fruitful research of «Al-Qaeda» (recognized in Russia as a banned terrorist organization – approx.ed.) by Marc Sageman, to reinterpret it through the prism of the theory of delinquent subculture developed by Albert Cohen, a method that took a prominent place in criminology in the 1960s, but has since been replaced to a significant extent by other approaches in this area. Based on Sageman's findings and observations, I assume that groups in the West affiliated or inspired by «Al-Qaeda» can best be understood as a collective response or «solution» to the pressures faced by members of these groups, and that this pressure is placed on the communities in which these groups exist. My broader goal is to show that, although criminologists, with some exceptions, ignore the topic of terrorism, research on this issue can benefit significantly from criminology as a source of theoretical inspiration.

Keywords: «Al-Qaeda», criminology, jihadist subcultural style, jihadist solution, Marc Sageman, social pressure, subculture, research on terrorism.

Джихадистское решение

Я предполагаю, что теория Козна является важной для осмысления центральных эмпирических выводов исследования Сейджмана о третьей волне «Аль-Каиды». Эту волну составляют в основном молодые представители низшего класса второго и третьего поколения европеизированных мужчин-мусульман. Социальное давление, которое оказывается на эту конкретную группу, было подтверждено эмпирически³. Они беднее и менее образованны, чем немусульмане в Европе. Они сталкиваются с систематической дискриминацией на рынке труда, недостаточно представлены в общественной и политической жизни, живут в атмосфере враждебности и недоверия к их культурному и религиозному происхождению⁴. Они разрываются между противоречивыми требованиями двух различных культур – их родителей и светских западных обществ, в которых они родились или ассимилированы⁵. Их прежняя идентичность воспринимается как нерелевантная модернизированным условиям и проблемам, с которыми эти люди сталкиваются на Западе. Новая идентичность, в свою очередь, квалифицируется как очень

² Continuation. Beginning in Islamovedenie (Islamic Studies). 2018. Vol. 9, № 3. – P. 111–123.

³ См. Frances Stewart. «Global Aspects and Implications of Horizontal Inequalities: Inequalities Experienced by Muslims Worldwide», CRISE Working Paper № 60, November 2008, <http://www.crise.ox.ac.uk/pubs/workingpaper60.pdf> (accessed 3 April 2011), 7–13; «Muslims in the European Union: Discrimination and Islamophobia», European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, 2006. http://www.fra.europa.eu/fraWebsite/attachments/Manifestations_EN.pdf (accessed 3 April 2011), 44–59; and S. MansoobMurshed and Sarah Pavan. «Identity and Islamic Radicalization in Western Europe», MICROCON Research Working Paper 16, August 2009. http://www.microconflict.eu/publications/RWP16_MM_SP.pdf (дата обращения: 3 апреля 2011 года), 18–29.

⁴ См. «Muslims in the European Union: Discrimination and Islamophobia» European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia, 2006. http://www.fra.europa.eu/fraWebsite/attachments/Manifestations_EN.pdf (accessed 3 April 2011), 60–89.

⁵ Следовательно, Тимоти Гартон (Timothy Garton Ash) называет их «между людьми» (Garton Ash, «Islam in Europe»). См. также Olivier Roy. «Al-Qaeda: A True Global Movement», in Rik Coolsaet, ed., Jihadist Terrorism and the Radicalization Challenge in Europe (Ashgate: Aldershot, 2008), 109; Tomas Precht, «Home grown terrorism and Islamist Radicalization in Europe: From Conversion to Terrorism», Report for the Danish Ministry of Justice, December 2007. http://www.justitsministeriet.dk/fileadmin/downloads/Forskning_og_dokumentation/Home_grown_terrorism_and_Islamist_radicalisation_in_Europe_-_an_assessment_of_influencing_factors_2_.pdf (дата обращения: 2 апреля 2011 года), 42–43; and «Violent Jihad in the Netherlands: Current Trends in the Islamist Terrorist Threat», AIVD Report, 13 April 2006, <http://www.fas.org/irp/world/netherlands/violent.pdf> (дата обращения: 2 апреля 2011 года), 36.

хрупкая, потому что она постоянно ставится под сомнение враждой и отчуждением, с которыми она обычно сталкивается в светских западных обществах [1; 2].

На этом основании третья волна джихадизма может быть описана как коллективное решение, принятое молодыми вестернизированными мужчинами-мусульманами, для преодоления «статуса разочарованности» (status frustration) и «конфуза идентичности» (identity confusion). Для тех, кто столкнулся с этим давлением с особой силой и для кого совокупное бремя отторжения и конфликта идентичности становятся невыносимы, джихадистская группа представляет собой привлекательный проект, который служит двум основным целям: во-первых, установить набор статусных критериев, позволяющих членам группы легко достичь успеха; во-вторых, обеспечить набор ценностей и сформулировать субкультурный стиль, с помощью которого они могут выражать свое неприятие западного светского общества – источника их разочарованности и конфликта идентичности – и обосновать нейтрализующие ответные меры против него.

Как и делинквентная субкультура, которую описывал Коэн, джихадистская субкультура негативна, злонамеренна и неутилитарна. Как поясняет Сейджман в книге «Understanding Terror Networks», идеология глобального джихада салафитов не только содержит критику американской внешней политики; но и решительно выступает против определяющих политических и культурных ценностей западного светского общества. Это антидемократия. Она не приемлет этос материализма, который воспринимает как бездушный и развращающий. Эта антидемократия нападает на сексуальную свободу, которую осуждает за «распущенность» и «безнравственность». Она отвергает понятия пола и сексуального и религиозного равенства. Вместо этих ценностей глобальная джихадистская субкультура подчеркивает примат силы веры над материальным успехом; превозносит принцип чести и жертвенности; прославляет смерть и приветствует убийство. Подобно ценностям так же, как и в делинквентной субкультуре, ценности в джихадизме служат для неистового обличения и высмеивания тех, кто имеет отношение к доминирующему порядку.

Воспринимая эти ценности и действуя в строгом соответствии с ними, они одновременно решают проблему не только статуса, но и идентичности. Присоединяясь к джихадистской субкультуре, человек претерпевает радикальную трансформацию: он становится святым воином, солдатом ислама, праведным братом. Таким образом, он не только возвышает себя с точки зрения статуса, но и в то же время переосмысливает ранее разделенную идентичность «для себя» в новую сплоченную коллективную идентичность, основанную на традиции Пророка и его сподвижников. Кроме того, в его руках все необходимое для нейтрализации пути [3], с помощью которого можно объяснить или оправдать насильственные меры против источника разочарованности и конфликта идентичности – единого демонического Запада, населенного неверными.

Случай с Мохаммедом Буйери прекрасно иллюстрирует характер этого процесса. Если рассматривать этот пример с точки зрения типологии Сейджмана, Буйери, очевидно, принадлежит к третьей волне яростных джихадистов⁶ [4]: родился в Нидерландах в марокканской семье; жил в достаточно светском и глобализованном городе Западной Европы Амстердаме; «новообращенный» мусульманин; ко времени приобщения к джихадизму он был относительно молод (ему было двадцать шесть лет, когда он убил известного режиссера Тео Ван Гога в ноябре 2004 года); представитель низшего класса, который имел судимость до радикализации.

В своем великолепном отчете «Убийство в Амстердаме» Ван Гога и его широком политическом значении Ян Бурума изображает Буйери не как злого, демонического убийцу, а как заурядного обывателя [5]. Хотя смертоносные действия Буйери были,

⁶ Сейджман сам использует случаи с Буйери и группой Хофстада в качестве иллюстрации для третьей волны.

безусловно, злом (вспомним, что сразу же после расстрела Ван Гога Буйери пытался обезглавить его на оживленной улице Амстердама), самому Буйери, как сказала Ханна Арендт в свое время об Адольфе Эйхмане, совершенно не хватало «дьявольского или демонического глубокомыслия» [6]. Он, напротив, был «ужасным и ужасающе нормальным», если снова обращаться к Арендт [6].

Как же такие обычные в действительности, ничем не примечательные люди, как Буйери становятся последователями джихадизма и способны на убийство во имя ислама? Случай с Буйери не дает исчерпывающего ответа на этот вопрос, но ясно, что история с радикализацией является тесно и неразрывно связанной с более широкой историей опыта мусульманских иммигрантов в Нидерландах. Согласно Буруме, важнейший элемент в этой истории сконцентрирован на глубинных проблемах адаптации к обществу, которое в некоторых отношениях враждебно и чуждо.

Опыт накопленных личных неудач является постоянной темой в описании Бурумой истории Буйери. Достаточно прочесть одну главу «Перспективный мальчик», которую Бурума посвящает Буйери. Из этой главы становится ясно, что героя преследуют неудачи и разочарования: Буйери претендует на работу в службе безопасности в аэропорту Схипхол, но его кандидатуру отклонили из-за отрицательной характеристики в рапорте полицейского [5, с. 200]; он встречается с девушкой полуголландского, полутунисского происхождения, «высокой и в поразительно короткой юбке», но это длится недолго [5, с. 200]; на отдыхе, на Канарских островах, он ухаживает за испанскими девушками на улицах, но не добивается успеха [5, с. 201]; квартиру его семьи планируют реконструировать, но жилищный орган не выполняет свое обязательство – «еще одно разочарование» [5, с. 201]; его семнадцатилетняя сестра Вардия начинает встречаться с юношей из окрестности, и Буйери возмущен тем, что его отец ничего не делает, чтобы положить этому конец [5, с. 205–206]; он продвигает проект местного молодежного центра, но ему отказывают в субсидии для его реализации [5, с. 208]. Бурума отмечает, что эти неудачи и обманутые надежды не только разочаровали Буйери, но и сделали злым и обиженным.

В дополнение к сюжету о неудачах тема идентичности в значительной степени представлена Бурумой в описании процесса радикализации Буйери. Во многих местах книги «Убийство в Амстердаме» Бурума намекает на «двойное отчуждение» второго поколения голландских марокканцев, что наносит им значительный психологический вред (возникает внутренний конфликт). Изолированные как от культуры их родителей, так и от культуры принимающего общества, они чувствуют себя достаточно неуютно в мире, где не уверены в лояльности по отношению к себе и характере идентификации [5, с. 32]. Ссылаясь на непропорционально высокий уровень шизофрении среди молодых мужчин-мусульман второго поколения, Бурума комментирует: «Когда процесс интеграции идет слишком стремительно, когда сын марокканской деревни бросается слишком быстро в изумительный водоворот западных соблазнов, его «когнитивная линия» может пойти крайне искаженно» [5, с. 121–122]. Стремление к строгим религиозным правилам является формой ностальгии, своего рода попыткой воссоздать «мир» своих родителей, или, как думают люди, то, что было «миром» их родителей. Чтобы оставаться здравомыслящим, они очень стремятся обезопасить потерянный рай». Решающим фактором здесь, предполагает Бурума, является накопление осознаваемой несправедливости⁷.

Так, мальчик Буйери, казалось бы, прекрасно смог интегрироваться в жизнь западного общества. В школе он был трудолюбивым, ярким и перспективным учеником.

⁷ The following biographical details can also be found in Albert Benschop, «Chronicle of a Political Murder Foretold: Jihad in the Netherlands». http://www.sociosite.org/jihad_nl_en.php. (Дата обращения: 19 мая 2011 года).

Он был любимчиком. Хотел стать бухгалтером. Чтобы расслабиться, он «курил травку» и пил пиво; Буйери не был особенно набожным. Все было хорошо, пока не последовали неудачи в достижении поставленных целей. Вопрос идентичности стал, с точки зрения психологов, проблематичным: он испытал постыдное чувство, идентифицируя себя с обществом, которое, по его мнению, несправедливо отвергло его. Столь же постыдным было то, что он видел, – покорное соглашательство своих родителей и безропотное признание ими низшего статуса в голландском обществе. Поэтому Буйери стремился дистанцироваться от обеих ситуаций. Удрученный и обиженный в этом экзистенциальном водовороте, Буйери находился очень долго в поисках такого развития событий, который сформировал бы в нем не только чувство собственного достоинства и помог приобрести статус, но и ощутить культурную принадлежность и значимость. И в джихадистской субкультуре он нашел события, которые позволили ему одновременно избавиться от своих предыдущих неудач (которые являются последствиями целенаправленной политики по созданию препятствий мусульманам), повысить чувство собственного достоинства (теперь он мог переосмыслить свою жизнь и утвердить себя в качестве солдата ислама и будущего мученика) и подавить в себе экзистенциальную неуверенность и неопределенность (он получил возможность прочно связать себя с тем, что он видел как потерянную и аутентичную традицию своих предков). Чувство эйфории при обнаружении всего этого должно было быть необъятным.

В работе, написанной после теракта 11 сентября, Сейла Бенхабиб отметила, что для понимания того, «почему так много образованных, относительно состоятельных мусульман-мужчин, которые жили в Гамбурге и Париже, участвовали в акциях 11-го сентября, мы должны понять психологию мусульман-иммигрантов при столкновении со светскими либеральными демократиями Запада» [7]. Как я уже отмечал выше, позиция Бенхабиб является в равной степени, если даже не в большей, применимой к джихадистам третьей волны, воздействие на которых, в терминологии Мертон, «доминирующих культурных целей» [8, с. 672–673] современного западного общества было гораздо больше и чье чувство идентичности, возможно, даже менее выраженное.

Я утверждаю, что теория делинквентных субкультур Коэна предлагает потенциально полезный ресурс для осмысления отдельных жизненных траекторий таких людей, как Мохаммед Буйери. Рассматривая роман Джона Апдайк «Террорист», вышедший в 2006 году [9], Джеймс Вуд осуждает автора, в романе которого главным героем является восемнадцатилетний американский мусульманин и будущий террорист-смертник по имени Ахмад. Этот герой предстаёт в романе как ограниченный, ярый одиночка, убежденный в своем неприятии неверия. Апдайк, отмечает Вуд, безусловно, знает то, что делает анархиста Конрада трогательным и революционером Достоевского – мудрыми: это их внутренние противоречия и негодование. Все они ищут свое место в обществе, которое стремятся разрушить. Для современного романиста способом оживить эти противоречия является изображение американского мусульманина, который ведёт себя так же, как и его «секулярные» друзья. При этом они у него хотя бы есть (в отличие от затворника Ахмада); и он вместе с ними имел схожие вкусы в музыке и кино. Подобный литературный характер любопытен в его единичном сопротивлении соблазнам американского постмодерна [10].

В своей работе Коэн уделяет внимание противоречиям и сложностям, на которые ссылается Вуд и Апдайк, но Вуд видит их иначе. При использовании подхода Коэна такие, как Буйери, оживляются, подобно реальным людям с их полной неуверенностью в себе и внутренним смятением. Мы вынуждены поставить под сомнение их непримиримую ненависть и рассмотреть вопрос вероятности того, что ярость, с которой они отвергают западное общество и культуру, может маскировать [ее] исходную привлекательность. Мы вынуждены видеть их не как носителей чуждой и далекой

культуры, а как очевидный продукт западной культуры, в которой они родились, и «сильного обольщения» которого, в формулировке Вуда, они не в состоянии себя полностью лишить.

Очевидно, что субкультурный подход Коэна не может дать полной картины того, почему или как подобные Мохаммеду Буйери люди приходят к выбору насильственного джихадизма. Но это, безусловно, может помочь перенести в центр внимания более широкий структурный контекст, в котором происходит этот трансформирующий процесс. Он может предоставить убедительные объяснения того, почему третья волна «Аль-Каиды» состоит в основном из второго и третьего поколения европеизированных представителей низшего класса мужчин-мусульман. Эта группа глубоко и неизбежно погружается в западную культуру, но определяющие и широко афишируемые ценности и стремления этой культуры систематически им недоступны в желаемой мере, что приводит к глубокому разочарованию и возникает обида. Американизированные мусульмане, напротив, не испытывают на себе всего этого напряжения и, следовательно, джихадистских атак, и организаторов в среде этой группы мусульман сравнительно меньше по численности. Конечно, американизированные мусульмане не меньше погружены в западную культуру, чем их европейские единоверцы, но они занимают гораздо лучшую позицию в социальной структуре для достижения выгодного положения, которое эта структура может предложить.

Как отмечает Питер Берген, американская мусульманская община в «подавляющем большинстве отклонила идеологический вирус воинствующего ислама». «Американская мечта» в целом хорошо повлияла на мусульман Соединенных Штатов, которые являются одновременно более образованными и богатыми, чем средний американец. Более трети из мусульман-американцев имеют степень магистра, что особенно характерно при сравнении цифр в целом по стране: такие же успехи в области образования имеют 10 % американцев [11, с. 246]. Однако в Европе структурный контекст отличается: мусульмане-европейцы, как указывает на это Сейджман, являются преимущественно неквалифицированными рабочими и принадлежат к более низкому социально-экономическому классу. Их средний доход ниже основного дохода населения этих стран, а безработица среди молодых мужчин-мусульман в Европе примерно в два-три раза выше, чем средний уровень безработицы у «коренного населения» [12, с. 100]. Для молодых европеизированных мужчин-мусульман джихадистские методы привлекательны более, чем для американизированных единоверцев.

Такой субкультурный ракурс, очевидно, не являющийся всесторонним, не может объяснить причин того, почему конкретные лица из этой группы стали джихадистами. Это, несомненно, ограничивает его «объяснительные масштабы» и «прогнозирующие возможности». Расширение рамок субкультурного ракурса (в сочетании с другими понятиями и подходами) дает полное представление о том, как и почему они присоединяются к джихадистским группам.

Сейджман о структуре

Как мы уже видели, основное внимание Сейджман фокусирует на роли социальных сетей и динамике малых групп в содействии терроризму. Опираясь на широкий круг эмпирических данных, Сейджман убедительно демонстрирует, насколько важны эти сети и их динамика в формировании жизненной траектории в направлении террористического насилия. Главным достижением Сейджмана и обоснованием его исследования, которое стало довольно значимым и оказало воздействие на сферу исследований терроризма, было то, что оно содержало ясность и строгость в изложении этой точки зрения.

Это также служит объяснением того, почему Сейджман дает неполную характеристику мировому джихадизму в некоторых отношениях. Справедливое подчеркивание значимости социальных сетей и групповой динамики не отменяет того

факта, что неадекватному теоретизированию в работе Сейджмана подверглись роль структуры социальных сетей и то, как люди реагируют на них. Это не означает, что Сейджман не рассматривает их причинную важность. Наоборот, он однозначно четко разъясняет, что социальные сети, способствующие активности джихадистов, следует рассматривать в более широком контексте структурного отчуждения и изоляции. Тем не менее, он не предлагает развёрнутый социологический анализ этого контекста и механизма. Сейджман не фокусируется на структуре, потому что он сосредотачивает внимание на социальных сетях. Поскольку именно этот фокус придает его работе такую значимость, которую вряд ли можно оспаривать, то можно было бы здесь сосредоточиться ещё на чем-то другом. Кроме того, главной задачей Сейджмана является то, что он называет решением вопроса о «специфике», а именно: почему конкретные лица вступают в террористические организации. Он настаивает на том, что сосредоточение внимания на структуре эту проблему не решает, так как из массы лиц, подвергшихся воздействию одних и тех же структурных сил, лишь небольшое число участвует в террористических актах [12, с. 20–23]. Поэтому для Сейджмана «вопрос о специфичности» является наиболее значимым вопросом о терроризме» [13]. По этой причине он акцентирует внимание на социальных сетях: на конкретных отношениях и связях, которые облегчают вовлечение в терроризм.

Тем не менее, есть разительная лакуна в исследованиях Сейджмана. Это пренебрежение структурным контекстом глобального джихада на Западе. Для частичного заполнения этой лакуны я попытался доказать, опираясь на эмпирические данные Сейджмана, что третья волна джихадизма может быть лучше всего понята при использовании терминологии субкультурных теорий – от понятия «коллективное решение» до понятия «структурно наложенная проблема». Для того чтобы охарактеризовать её в таком ключе, а также рассмотреть в контексте изобретённой адаптации к коллективно испытанному разочарованию, в основном среди вестернезированных мусульман мужчин – представителей низшего класса, позднего подросткового возраста, нужно использовать глубину социологического взгляда Сейджмана на современный глобальный джихадизм. Проблема «специфичности», как это обозначает Сейджман, действительно важна. Но также значимым является макровопрос о структуре. Любая полностью исчерпывающая характеристика глобального джихадизма способствует интеграции двух уровней анализа, связывая индивидов с более широким обществом, в котором они живут и действуют [14]⁸.

Стиль Сейджмана

Вторая крупная лакуна в работе Сейджмана – пренебрежение тем, что я буду называть джихадистским субкультурным стилем, под которым понимаются способы, позволяющие членам джихадистской третьей волны присваивать различные символы и смыслы, наполняя ими идентичность и связывая уровни желаний, чувств и мыслей. Сейджман, несомненно, небезразличен к этому и в действительности проявляет внимание к сильной и заманчивой символике героического мученичества, которая одушевляет многих джихадистов третьей волны. Понятие «джихадистское хладнокровие» (jihadi cool), которое он предлагает в заключительной главе «Джихада без лидеров» [12, с 159–160], несомненно, указывает на это, хотя многое из того, что он говорит об этой концепции, остается неясным. Недостающими моментами в работе Сейджмана является этнографический детальный взгляд на культуру третьей волны джихадизма, и то, как ее члены креативно и новаторски придают смысл своей жизни и действиям посредством активного взаимодействия с бесконечным разнообразием

⁸ Я должен упомянуть, однако, что в своей недавней работе, опубликованной онлайн, Сейджман изучил более детально широкий контекст социально-экономических условий, которые он назвал «утопической нигилистской контркультурой» джихадизма в Европе (Sageman. «Hofstad Case Study and the Blob Theory»).

культурных смыслов и ресурсов, имеющих у них в распоряжении. Использование джихадистского субкультурного стиля (этнографическое понимание культуры третьей волны джихадизма) чрезвычайно важно, так как будет демонстрироваться яркое представление об увлеченности, энтузиазме, страхах и верованиях тех, кто принимает его. Поэтому работа Сейджмана, несомненно, выиграла бы от более полного использования этого подхода.

Мы до сих пор слишком мало знаем о внутреннем мире этой субкультуры. Это в вопросах исследования терроризма, где доминирующий фокус остается на инструментальных возможностях джихадистов (то есть того, что они могут или могли бы делать). Понимание природы и масштабов угрозы джихада, безусловно, имеет большое значение, но при применении этого подхода в практических исследованиях терроризма, как правило, пренебрегают мнимым меньшим «политическим значением» вопроса о культурной архитектуре джихада. Таким образом, пренебрежение Сейджманом данным вопросом является частью более широкой тенденции в исследованиях терроризма, а не критическим осуждением. Тем не менее, поводом для сожаления является то, что он не фокусирует внимание на культурных ценностях и стиле глобального джихада.

Одним из препятствий, несомненно, в ознакомлении с культурой джихада, является отсутствие доступа к джихадистским группам третьей волны. Чтобы в полной мере понять культуру какой-либо группы, необходимо наблюдать ее вблизи, по-настоящему «изнутри»: с субъективной точки зрения тех, кто принимает и преобразует ее [15]. Более основательная исследовательская работа о культуре девиантности, была проведена этнографами, которые глубоко изучили «человеческий предмет» (human subjects) и которые провели много времени, живя и взаимодействуя с «предметом исследования»⁹. К сожалению, в изучении терроризма с точки зрения сложных этических проблем ни один ученый не может получить полный и беспрепятственный доступ к джихадистским группам, особенно к тем, которые подвижны и несоизмеримы. Тем не менее, отсутствие такого доступа не означает отсутствия сведений как таковых. Напротив, судебные документы, особенно стенограммы джихадистских спецопераций и джихадистские веб-сайты, предлагают крайне богатый источник эмпирических данных для изучения культуры джихадистских групп. Первые особенно полезны для понимания того, как джихадисты говорят друг с другом (без потенциально принудительного влияния интервьюера)¹⁰. Среди социальных этнографов беседа широко рассматривается как важнейший объект для социологического анализа, так как она высвечивает культурные особенности, предположения и перспективы сообщества, которое находится в центре внимания исследователей¹¹ [16–18]. Изучая беседы, мы понимаем, как разговаривающие относятся к миру, как они думают и как они позиционируют себя. Поэтому убедительным является утверждение, что понимание беседы джихадистов есть важная задача, ведь она, помимо всего прочего, освещает значимые аспекты их культурной картины мира. Что касается обзора террористических атак Апдайка, Вуд упрекает его за провал в осуществлении важной задачи и пытается составить авторское мнение «о своем мусульманском школьнике» [10]. Вуд пишет с раздражением:

⁹ См.: *Ned Polsky. Hustlers, Beats and Others* (Chicago: Al-dine, 1967); *Jock Young. The Drug takers: The Social Meaning of Drug Use* (London: MacGibbon and Kee/Paladin, 1971); *Elijah Anderson. Code of the Street: Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City*. – (New York: W.W. Norton, 1999); and *Bill Buford. Among the Thugs: Face to Face with English Football Violence* (London: Arrow, 1991).

¹⁰ Джихадистские веб-форумы в этом отношении, возможно, менее полезны, если учитывать склонность анонимных участников преувеличивать.

¹¹ Обратите внимание на работу Ричарда Спаркса (Richard Sparks) и его коллег.

«Но о чём же тогда говорит поведение Ахмада? Предположительно, чтобы отгородиться от своих безбожных ровесников в школе, главным образом от шипящей в нос и неряшливой афроамериканской девушки Джорелин (Joryleen) и её коренастого парня Тайленоля (Tylenol), Ахмад надевается Апдайком «формальным стилем» (formal diction) «обиженного величия», которое возвращено, как мне кажется, многими часами изучения Корана и глубоким, фанатичным размышлением над прочитанным. Эффект в том, что всякий раз, когда Ахмад открывает рот, он говорит как семидесятилетний индийский аристократ. На самом деле, он напоминает В.С. Найпола – более позднего Найпола» [10].

В противоположность этому судебные стенограммы после недавних случаев терроризма в США позволяют узнать, как джихадисты на самом деле общаются друг с другом (их разговоры были тайно записаны агентами). Послушайте, например, речь, которую произносит Мохаммед Алесса, воодушевлённый джихадист из Нью-Джерси, явно не в стиле Найпола [19]:

«Но, Янни, и если ты думаешь об этом, я приобрету пистолет. Я тот человек, который будет использовать его в любое время. Но, если я получу пистолет, я не могу – я даже не могу – я – я получу больше тел благодаря ему, чем – чем – чем волос на моей бороде. Ты знаешь, о чем я говорю?»

Мы давим на каждом уголке земли, Янни. Они боятся тебя только тогда, когда у тебя есть пистолет и, когда ты – когда ты начинаешь убивать их, когда ты – когда ты берешь их голову и обезглавливаешь его на камеру, и ты – ты должен быть безжалостным, брат. Я клянусь Богом, брат. Хватит этого гнилого дерьма. Просто каждый должен быть безжалостным с этими людьми. Мы начнем убивать здесь, если я не могу сделать это там. Я собираюсь запереться в аэропорту? Тогда ты собираешься умереть здесь, вот. Вот так вот. Долбанный майор-Нидал-с-выбранным-лицом, палестинец – сумасшедший парень¹² [20]. Он не лучше меня. Я сделаю в два раза больше, чем сделал он» [21].

В своем замечательном введении к тексту Брюс Хоффман отмечает, что, несмотря на изучение терроризма на протяжении более двух десятилетий, он до сих пор поражается тому, каким волнующе «нормальным» кажется большинство террористов, когда ведут беседы друг с другом [22, с. 15]. Адаптируя то, о чём говорит здесь Хоффман, но сохраняя смысл, исследователи терроризма должны придавать гораздо большее значение голосу террористов и различным культурным смыслам и чувствам, к которым они вольно или невольно прибегают в общении друг с другом.

Еще одна сфера культуры, которая заслуживает большего внимания, – это то, как джихадисты используют и активно воссоздают связанные с джихадом изображения, фильмы и музыку. Джихадистские сайты, в частности, служат богатым источником данных для изучения этого медиаматериала [23]¹³. Уже самый беглый анализ этих сайтов демонстрирует субкультуру, пропитанную яростным неповиновением, наслаждением в разрушении табу и высмеивании цивилизованных норм. В этом подпольном виртуальном мире вполне обычное явление – кадры с улыбающимися самоубийцами, нежно поглаживающими свои взрывчатые устройства, ведь они готовятся умереть за дело; различные фотографии маленьких детей, одетых как террористы-смертники; видеоподборки нападений самоубийц на американские войска в Ираке, сопровождающиеся хип-хопом и рэпом; кадры искалеченных американских солдат; видеозаписи ритуализированных обезглавливаний; бесконечные клипы джихадистов в

¹² Алесса ссылается здесь на Майора Нидала Малика Хасана: мужчину, обвиненного в массовом расстреле военной базы в Форт Худ (Fort Hood) в Техасе 5 ноября 2009 года.

¹³ См.: анализ Мухаммеда Хафеза джихадистских мученических видео: *Mohammed M. Hafez. Martyrdom Mythology in Iraq: How Jihadists Frame Suicide Terrorism in Videos and Biographies // Terrorism and Political Violence* 19, 2007. № 1. – Р. 95–115.

различных зонах конфликтов со стрельбой из РПГ и АК-47, – очевидно, двух наиболее предпочтительных оружий в среде джихадистских боевиков. Роберт Ф. Уорт, безусловно, прав: эта «безумная и увлекательная субкультура» требует большего научного внимания [24]. Нам нужно знать гораздо больше о том, как она воспроизводится и что это значит для тех, кто погружается в нее.

Говоря о третьей волне джихадистов, следует отметить, что важным для будущего исследования культуры является творческое слияние западной «уличной культуры» с традиционными джихадистскими мотивами. Основываясь на собственных этнографических наблюдениях мусульманской молодежи в различных европейских городах, Лоренцо Видино пишет о «гибридной уличной культуре», в рамках которой «многие молодые люди из гетто с мусульманским большинством в различных европейских городах совмещают некоторые элементы поведения, характерные для западной уличной культуры (рэпперская одежда, курение марихуаны и употребление алкоголя), с просмотром видеозаписей джихадистов и хранением фотографии Усамы бен Ладена на экране мобильного телефона. Любой человек, кто атакует господствующее общество, становится героем для этих подростков, будь то Абу Мусаб аз-Заркави или покойный американский рэпер Тупак Шакур» [25]. Третья волна вполне может быть охарактеризована, как описывает ее Сейджман и как я уже говорил выше, как «отвергающая контркультура» (*rejectionist counterculture*) [13, с. 18.], но это ни в коем случае не герметично изолированное от доминирующего порядка явление, а в реальности творческое и беспорядочное усваивание элементов из современной молодежной культуры¹⁴ [26].

В вопросах, касающихся джихадизма и субкультурного стиля, нужно учитывать, что существует устойчивая традиция исследований культуры в британской социологии, из которой исследователи терроризма могли бы почерпнуть для себя что-то интересное. Эта традиция в первую очередь связана с работой Центра современных культурных исследований Университета Бирмингема¹⁵. Хотя большая часть этой работы связана с ретроградным и упрощённым марксизмом¹⁶ [27], его целеустремленный и творческий фокус, направленный на культурную символику и смыслы, вписанные сознательно или иным способом в девиантный образ жизни и деятельность, сохраняет свое значение. Кроме того, тема смешения культурных элементов в рамках концепции спонтанности остаётся актуальной и вызывает воспоминания сегодня ровно таким же образом, как это было почти полвека назад. Этот предмет исследования может стать отправной точкой для полезного взаимодействия с джихадистским субкультурным стилем.

Выводы: исследование терроризма и криминология

Традиционно криминология игнорировала тему терроризма¹⁷ [28]. Это отчасти происходило потому, что криминология обязана своим существованием патронажу государственной власти. Когда в середине двадцатого века криминология впервые возникла в качестве самостоятельной академической дисциплины в Европе и

¹⁴ Майкл Бурлейг отмечает смело, что джихадистские мученические видеозаписи следуют нарративу западных порнофильмов.

¹⁵ См.: *Stuart Hall and Tony Jefferson (eds.), Resistance through Rituals: Youth Subcultures in Post-War Britain* (London: Hutchinson, 1976); *Dick Hebdige, Subculture: The Meaning of Style* (London: Methuen, 1979); and *Geoff Mungham and Geoffrey Pearson (eds.), Working Class Youth Culture* (London: Routledge and Kegan Paul, 1976).

¹⁶ См.: интересная, но резкая критика со стороны Стэнли Козна.

¹⁷ Здесь новая линия критики: *Schafer S. The Political Criminal: The Problem of Morality and Crime – New York: The Free Press, 1974. – P. 7.* Но, увы, это продолжает оставаться последним обоснованным способом.

Соединенных Штатах, она была в основном заинтересована в «проблеме преступности», то есть в общей повседневной преступной деятельности, и в том, как эффективно бороться с ней [29]. Замкнутость и даже явная скучность традиционных проблем криминологии и методологических подходов¹⁸ [30] дали путь к более широкому и более открытому дискурсу¹⁹ [31], однако для всех последующих инноваций и достижений в области криминологии вопрос о терроризме остался без внимания. Есть, конечно, некоторые заметные исключения²⁰, но отсутствие устойчивого внимания к терроризму в дисциплине действительно бросается в глаза. Одним из самых ярких признаков этого было почти полное молчание криминологов в ответ на атаки 11 сентября 2001 г. Речь не о том, что криминалистам нечего было сказать об этом ключевом моменте новейшей мировой истории. Напротив, многим из них было и есть, что сказать. Однако значительная часть их комментариев или анализа была сосредоточена на событиях 11 сентября 2001 г., и их последствиях для индивидуальных прав и свобод. Статья Гейба Мисена и Сандры Воклэйт под названием «Криминология и терроризм», опубликованная в 2006 г. в журнале *British Journal of Criminology*, является хорошим примером. Миссен и Воклэйт правильно замечают, что «криминологическое вторжение в дебаты о “новом терроризме” до сих пор было относительно ограниченным» [29]. Но в попытке заполнить эту лакуну они сосредотачиваются исключительно на «дискурсивной конструкции терроризма и активизации более широкой культуры надзора и контроля» [29]. Терроризм как поведенческая деятельность, таким образом, полностью отклоняется как предмет для систематического криминологического анализа.

Среди криминологов не было практически никаких комментариев, посвящённых мотивации преступников 11 сентября [2001 г.], а также характеру и угрозе глобального джихада. Атаки 11 сентября [2011 г.] также не вызвали интереса к терроризму у криминологов в более широком смысле – как к поведенческой проблеме. Это несколько странно, учитывая заинтересованность криминологии в понимании не только этиологии реакции на преступление, но и мотивации и значения, связанного с самой преступной деятельностью. Кроме того, это признак «профессионального позора» криминологии как дисциплины в целом.

Хотя это странно и постыдно отнюдь не в малой степени, такое положение дел объяснимо и, по крайней мере, частично связано с формированием представлений о криминологии как о самостоятельной научной дисциплине. Дело в том, что криминология не всегда была таковой, и в самом начале была зависима от государственного патронажа²¹ [32]. Даже сэр Леон Раджинович, который сыграл важную роль в создании и укреплении основ криминалистики как институционализированной академической специальности в Британии и Соединенных Штатах, признал это и в действительности сокрушался над таким положением дел [33]. Его преемники, которые продолжают доминировать в дисциплине, были еще более откровенными в этом

¹⁸ См. первую и вторую секции собрания эссе Стэнли Козна «Against Criminology» (New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988).

¹⁹ Это началось, как правильно отмечает Джок Янг (Jock Young (1988)), в 1968 году с создания Национальной конференции по девиациям (National Deviancy Conference) в Йорке, Великобритания (Jock Young, «Radical Criminology in Britain: The Emergence of a Competing Paradigm», in Paul Rock, ed., *A History of British Criminology* (Oxford: Clarendon Press, 1988). – P. 159–183).

²⁰ Коллективные усилия Остина Турка (Austin Turk), Марка Хамма (Mark S. Hamm), Гэри Лаффри (Gary Lafree) и Джеффри Аяна Росса (Jeffrey Ian Ross) должны быть упомянуты здесь.

²¹ Проницательный анализ развития в контексте Великобритании представлен в работе: David Garland. «Of Crimes and Criminals: The Development of Criminology in Britain», in M. Maguire, R. Morgan and R. Reiner, eds., *The Oxford Handbook of Criminology* (Oxford: Clarendon Press, 1994). – P. 17–68.

отношении и активно пытались продвинуть дисциплину дальше узких интересов государственной власти. Они в значительной степени преуспели в данном вопросе, и криминология только выиграла от этого. Тем не менее, специалисты инстинктивно весьма настороженно относятся к изучению вопросов, которые отражают «скорректированные» интересы государства. Терроризм, несомненно, является важной проблемой *par excellence*. Однако криминологи (случайно или преднамеренно) в основном игнорируют вопрос о терроризме, особенно в его нынешнем джихадистском облике. Добившись ее традиционного восприятия как академической науки, они не склонны ставить это всё под угрозу, вовлекаясь в дискурсивные термины, которые были определены для них самим государством. В тех случаях, когда они сталкивались с проблемой терроризма, то, как правило, либо подчеркивали соглашение государства с ними, либо выражали несправедливую или ошибочную реакцию государства в отношении его.

Криминологи могут игнорировать терроризм (что хуже для них самих), но исследования терроризма могут опираться на широкий спектр концепций и подходов криминологии, особенно на те, которые касаются структурных основ преступности и субкультурной адаптации девиантных и преступных группировок. Терроризм отличается от многих других видов преступлений тем, что он носит политический характер, но из этого не следует, что криминологические теории не могут быть адаптированы или усовершенствованы для объяснения терроризма²² [34]. Сама криминология развивалась вследствие «беспорядочных» заимствований из других дисциплин. В действительности, некоторые из самых больших достижений в области криминологического знания пришли только благодаря таким заимствованиям. В исследовании терроризма должны последовать этому примеру. Криминология вполне может игнорировать исследования терроризма, однако изучение этого феномена имеет полное право на использование криминологического инструментария. Одной из моих целей в этой статье было представление именно такого вовлечения, пусть и ограниченного, чтобы суметь показать все, что может быть получено от такого союза.

Литература

1. *Rik Coolsaet and Tanguy Struye de Swielande*. In *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge in Europe*. – Hampshire: Ashgate, 2018. – P. 169.
2. *Olivier Roy*. *Radical Islam Appeals to the Rootless* // *Financial Times*. – 2004. 12 October.
3. *Cottee Simon*. *Mind Slaughter: The Neutralizations of Jihadi Salafism* // *Studies in Conflict and Terrorism*. – 33. – 2010, № 4. – P. 330–352.
4. *Sageman Marc*. *The Next Generation of Terror* // *Foreign Policy*, 19 February 2008, http://www.foreignpolicy.com/articles/2008/02/19/the_next_generation_of_terror (дата обращения 2 апреля 2011 года).
5. *Buruma Ian*. *Murder in Amsterdam: The Death of Theo van Gogh and the Limits of Tolerance*. – London: Atlantic Books, 2006. – P. 189.
6. *Arendt H*. *Thinking and Moral Considerations: A Lecture* // *Social Research* 38. – 1971. – № 3.
7. *Benhabib S*. *Unholy Wars* // *Constellations*. – 2002. – V. 9, № 1. – P. 43–44.
8. *Merton R.K*. *Social Structure and Anomie* // *American Sociological Review*. – 1938. – Vol. 3, № 5. – P. 672–682.

²² Исследование Джона Хоргана о высвобождении от терроризма, которое основано на литературе по криминологии, предлагает прекрасный пример того, как это может быть достигнуто (см.: *John Horgan*, *Walking Away from Terrorism: Accounts of Disengagement from Radical and Extremist Movements* (London: Routledge, 2009)).

9. Updike J. *Terrorist*. – London: Hamish Hamilton, 2006.
10. Wood J. *Jihad and the Novel* // *The New Republic*, 3 July 2006, <http://www.tnr.com/article/books-and-arts/jihad-and-the-novel> (дата обращения 3 февраля 2011 года).
11. Bergen P.L. *The Longest War: The Enduring Conflict between America and Al-Qaeda*. – New York: Free Press, 2011.
12. Sageman M. *Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century*. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.
13. Sageman M. *Hofstad Case Study and The Blob Theory* // *Theoretical Frames on Pathways to Violent Radicalization* // ARTIS: research & Risk Modeling. – 2009. http://www.artisresearch.com/articles/ARTIS_Theoretical_Frames_August_2009.pdf (дата обращения: 26 марта 2011 года).
14. Crenshaw M. *The Psychology of Terrorism: An Agenda for the 21st Century* // *Political Psychology*. – 2000. – V. 21, № 2. – P. 405–420.
15. Norman K. Denzin. *The Research Act*, 2nd ed. – Chicago: Aldine, 1978.
16. Evi Girling, Ian Loader, and Richard Sparks. *Crime and Social Change in Middle England*. – London: Routledge, 2000.
17. Marion Smith, Richard Sparks, and Evi Girling. *Educating Sensibilities: The Image of ‘The Lesson’ in Children’s Talk about Punishment* // *Punishment and Society*. – 2000. – V. 2, № 4. – P. 395–415.
18. Richard Sparks, Evi Girling, Marion Smith. *Children Talking about Justice and Punishment* // *International Journal of Children’s Rights*. – 2000, № 8. – P. 191–209.
19. See Kareem Fahim, Richard Perrez-Peña and Karen Zraick. *From Wayward Teenagers to Terror Suspects*, // *The New York Times*, 11 June 2010. – URL: <http://www.nytimes.com/2010/06/12/nyregion/12suspects.html> (дата обращения: 7 февраля 2011 года).
20. McFadden Robert D. *Army Doctor Held in Ft. Hood Rampage* // *The New York Times*, 5 November 2009. – URL: <http://www.nytimes.com/2009/11/06/us/06forthood.html?ref=nidalmalikhasan> (дата обращения: 18 июня 2011 года).
21. http://i.cdn.turner.com/cnn/2010/images/06/06/alessa_mohamed_complaint.pdf (дата обращения: 7 февраля 2011 года).
22. Hoffman B. *Inside Terrorism*. – New York: Columbia University Press, 2006.
23. Mohammed M. Hafez. «Martyrdom Mythology in Iraq: How Jihadists Frame Suicide Terrorism in Videos and Biographies» // *Terrorism and Political Violence*. – 2007. – V. 19, № 1. – P. 95–115.
24. Robert F. Worth, «Their Space» // *The New York Times*. June 25, 2006. – URL: <http://www.nytimes.com/2006/06/25/books/review/25worth.html> (дата обращения: 17 марта 2011 года).
25. Vidino L. *Current Trends in Jihadi Networks in Europe* // *Terrorism Monitor*. – 2007. – V. 5, № 20. – URL: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=4499 (дата обращения: 2 апреля 2011 года).
26. Burleigh Michael. *Blood and Rage: A Cultural History of Terrorism*. – London: Harper Collins, 2008. – P. 503.
27. Cohen S. *Folk Devils and Moral Panics*. 2nd ed. – Oxford: Martin Robertson, 1980. P. – I–XXXIV.
28. Schafer S. *The Political Criminal: The Problem of Morality and Crime* – New York: The Free Press, 1974. – P. 7.

29. *Mythen G., Walklate S.* Criminology and Terrorism: Which Thesis? Risk society or Governmentality? // *British Journal of Criminology*. – 46. – 2006, № 3. – P. 379.

30. *Cohen S.* *Against Criminology*. – New Brunswick, NJ: Transaction. – Books, 1988.

31. *Young J.* *Radical Criminology in Britain: The Emergence of a Competing Paradigm*, in Paul Rock, ed., *A History of British Criminology*. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – P. 159–183.

32. *Garland D.* *Of Crimes and Criminals: The Development of Criminology in Britain*, in M. Maguire, R. Morgan, and R. Reiner, eds., *The Oxford Handbook of Criminology*. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – P. 17–68.

33. *Sir Leon Radzinowicz.* *Adventures in Criminology*. – London: Routledge, 1999.

34. *Horgan J.* *Walking Away from Terrorism: Accounts of Disengagement from Radical and Extremist Movements* – London: Routledge, 2009.

Перевод с английского языка: *Р.Ф. Патеев*²³

²³ *Патеев Ринат Фаикович* – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан.